УДК 327

Александра БОЛОНИНА

ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ «НЕПРИЗНАНИЯ» ЕАЭС ЕВРОПЕЙСКИМ СОЮЗОМ

Статья поступила в редакцию 21.01.2020

Аннотация. Евразийский экономический союз (ЕАЭС) позиционирует себя как открытое интеграционное образование, где связи с внешними партнерами являются одной из ключевых составляющих успешного функционирования. Однако параллельно с расширяющейся сетью договоров о торговом сотрудничестве и преференциальных соглашений в рамках Большого евразийского партнерства существуют препятствия установлению официальных двусторонних связей с руководящими органами другого интеграционного образования – Европейского союза. В данной статье рассматриваются политические причины «непризнания» Евразийского союза со стороны ЕС, заключающиеся, в частности, в напряженных отношениях России и стран ЕС, а также в отношении к ЕАЭС как к инструменту продвижения формата региональной интеграции, альтернативного европейскому. Статья также содержит рекомендации по налаживанию диалога между двумя интеграционными образованиями, ориентированным на расширение объективных экономических предпосылок для сотрудничества между ЕС и ЕАЭС, на формирование идентичности ЕАЭС, отдельной от его стран-участниц.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, идентичность, международная правосубъектность, Европейский союз, напряженность в отношениях, взаимные интерпретации, модели интеграции.

Евразийский экономический союз как межправительственная организация формально обладает международной правосубъектностью и активно устанавливает связи со странами вне Союза в рамках трех основных форматов: соглашений о зоне свободной торговли, непреференциальных торговых соглашений и меморандумов о сотрудничестве с третьими странами и международными организациями [Перспективы развития... 2017]. Сегодня, как пишет Вадим Смирнов, «вектор выстраивания внешних связей ЕАЭС приобретает отчетливую юго-восточную направленность» [Смирнов, 2018: 54], о чем свидетельствует расширяющаяся сеть договоров с такими странами, как Китай, Вьетнам, Сингапур, Таиланд и Индия.

© **Болонина Александра Леонидовна** – аспирантка, университет Париж 2 Пантеон-Ассас, Научно-исследовательский центр международного права и международных отношений «Thucydide». **Адрес:** 75005, Франция, Париж, пл. Пантеон, 12.
E-mail: allexandrleo@gmail.com

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope12021200208>

Кроме того, вслед за инициативой «интеграции интеграций», сформулированной Лукашенко в 2011 году¹, Министр иностранных дел России Сергей Лавров на Мюнхенской конференции по безопасности 2019 г. выразил надежду на формирование «устойчивого диалога» между Евразийским и Европейским союзами². Важность налаживания контактов с ЕС была признана и на уровне ЕАЭС в решении Высшего Евразийского экономического совета от 1 октября 2019 г., подчеркивающим необходимость сосредоточить особые усилия на европейском направлении³. Действительно, помимо исторических и культурных связей, экономики стран ЕАЭС и ЕС «объективно находятся в зоне взаимного притяжения»⁴: ЕС является крупнейшим торговым партнером ЕАЭС в целом (46,3% внешнеторгового оборота ЕАЭС в 2018 г.), а также ключевым партнером его государств-членов⁵.

Однако на сегодняшний день, как отмечает Н.Б. Кондратьева, «две части Большой Европы связывают узы соперничества, что вызвано борьбой за доминирование в евразийском пространстве». [Кондратьева, 2018: 61] Несмотря на попытки⁶, диалог между двумя интеграционными объединениями так и не налажен, а экономические контакты между ЕС и странами-участницами ЕАЭС осуществляются по двусторонним каналам, что говорит о «фрагментарных функциях субъектности» последнего [Мешкова и др., 2019: 21].

Альтернативные модели региональной интеграции

Развитие евразийской интеграции демонстрирует тот факт, что региональное сотрудничество может развиваться не только по европейскому пути, но иметь и свою собственную логику. На практике речь идет о коммунитарном и конвенционном подходах к интеграции, реализующихся в моделях наднационализма и интергouverнментализма, которые, как пишет Оксана Пименова, «каждый в своей мере,

¹ Лукашенко А.Г. О судьбах нашей интеграции. *Известия*. 17.10.2011. URL: <https://iz.ru/news/504081> (дата обращения: 10.11.2019)

² Выступление и ответы на вопросы Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности. *Международная жизнь*. 16.02.2019. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/21679> (дата обращения: 14.12.2019)

³ Об основных направлениях международной деятельности ЕАЭС на 2020 г., решение Высшего евразийского экономического совета №19. 1 октября 2019. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01523307/err_02102019_19 (дата обращения: 10.11.2019)

⁴ ЕАЭС – ЕС: альтернативы диалогу двух крупнейших на континенте интеграционных объединений нет, ЕЭК. 03.06.2019. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/03-06-2019-1.aspx> (дата обращения: 01.11.2019)

⁵ Внешняя торговля ЕАЭС по странам. Уточненные данные по состоянию на 10.10.2019. ЕЭК. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/tables/extra/Documents/2018/12-102019/E201812_1_1.pdf (дата обращения: 01.11.2019)

⁶ В 2015 г. председатель Коллегии ЕАК направил в ЕС официальное предложение по сотрудничеству, на что председатель Еврокомиссии Ж.-К. Юнкер ответил в письме, адресованном В. Путину, что Евросоюз готов рассмотреть эту возможность при условии выполнения Россией Минских договоренностей.

способствуют продвижению целей интеграционного развития, но с использованием своих, наиболее релевантных, средств» [Пименова, 2019: 78].

Европейский союз представляет собой наиболее продвинутую модель региональной интеграции по количеству и глубине интегрируемых сфер. Ее наднациональный характер оформился в последнем десятилетии XX века, когда были подписаны два основополагающих нормативных акта – Маастрихтский (1992) и Амстердамский (1997), дополненные впоследствии Ниццким (2001) и Лиссабонским (2007) договорами. Европейская интеграция привела к созданию особого регионального правового порядка, превалирующего над национальным правом стран-членов ЕС. Этот принцип был, в частности, закреплён решением Суда ЕС от 15 июля 1964 г. *Flaminio Costa v. E.N.E.L.* В структурном плане он сопровождается расширенными полномочиями исполнительного органа – Европейской комиссии, обладающей среди прочего правом законодательной инициативы и полномочиями представителя ЕС в международных делах¹, и существованием регионального представительного органа – Европейского парламента².

В свою очередь, одна из главных особенностей интеграции «по-евразийски» заключается в ее межгосударственном характере, обусловленном во многом протекающими процессами государственного и национального строительства в странах ЕАЭС. В этом смысле развитие региональной интеграции возможно только в том случае, если она гарантирует неприкосновенность местных политических режимов и основывается на принципах государственного суверенитета и невмешательства в их внутренние дела. По этой причине структура управления Евразийского союза не включает в себя представительные органы по образцу Европейского парламента, несмотря на то, что дискуссии на эту тему велись еще в 2012 г., а чиновники ЕАК «зачастую более лояльны по отношению к своим столицам», чем к организации [Динес, 2018: 4]. Полномочия самой Комиссии являются довольно ограниченными и зависят от решений, принимаемых главами государств и правительств в рамках Высшего совета. По аналогичным причинам ЕАЭС не предусматривает должностного лица, уполномоченного представлять объединение на международном уровне.

Однако, несмотря на существенные отличия *modus operandi* ЕС и ЕАЭС, их несхожесть не является непреодолимым препятствием на пути нормализации их отношений. С точки зрения организации и функционирования, их можно рассматривать не столько в качестве двух альтернативных форм региональной интеграции, но, скорее, как различные стадии ее развития, наиболее адаптированные к особенностям политического развития стран-участниц. Действительно, с одной стороны траектория пути евразийской интеграции во многом повторяет этапы развития европейской, например в плане организационной структуры (о чем свидетельствует создание таких органов, как Евразийская комиссия (ЕАК), Суд Евразийского экономического союза и Высшего Евразийского экономического совета (ВЕЭС)) и в плане логической последовательности (созданию Евразийского союза предшество-

¹ За исключением сферы общей внешней политики и политики безопасности, регулируемой межправительственными механизмами.

² *Traité sur l'Union européenne. Journal officiel de l'Union européenne.* C 326/13, 2012. URL: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:C:2012:326:FULL:FR:PDF> (дата обращения: 01.11.2019)

вала интеграция экономических зон и образование таможенного союза и уже позднее последовала либерализация потоков людей и капитала [Libman, 2019: 249]). С другой стороны, ее преждевременное углубление и вывод на наднациональный уровень может лишить страны ЕАЭС некоторых механизмов, позволяющих компенсировать доминирующую роль России (ст.13 и ст.17 устава ЕАЭС: принятие решений консенсусом в рамках ВЕЭС и Межправительственного совета, п. 114 Статута Суда ЕАЭС: относительность принципа обязательного исполнения решений Суда ЕАЭС и др.) [Сарсембаев, 2019: 99], и будет таким образом противоречить их национальным интересам, о чем напомнил президент Казахстана Касым-Жомарт Токаев в ходе заседания Высшего Евразийского экономического совета 19 мая 2020 г.

С точки зрения идейного наполнения европейский опыт демонстрирует, что полноценная и многопрофильная интеграция имеет необходимым условием построение сообщества, разделяющего общие ценности. Так, договор о ЕС закрепляет такие ценности, как «уважение к человеческому достоинству, свободе, демократии, равенству, верховенству права, а также уважение прав человека, в том числе прав лиц, принадлежащих к меньшинствам»¹, и вводит понятие европейского гражданства. Их принятие является обязательным условием для кандидатов в членство Европейского союза. Таким образом, идейная идентичность является ядром интеграции по европейскому образцу, а также лежит в основе его внешней политики, что позволяет говорить о «нормативной силе» ЕС [Saurugger, 2020: 306].

В ЕАЭС дела обстоят несколько иначе: если можно говорить о сложившейся с течением времени европейской идентичности, для стран ЕАЭС отсылки к историческому аспекту, а именно к объединяющей их когда-то принадлежности к СССР, является проблематичной, а евразийство, представленное в качестве альтернативы постсоветскому нарративу, носит на сегодняшний день скорее символический характер и не закладывает реальные основы формирования региональной идентичности. Делая акцент на экономической интеграции, страны ЕАЭС не стремятся к созданию общего идейного императива и ограничивают повестку вопросами координации действий на высшем уровне. Иными словами, в противовес «европейскому догматизму», базирующемуся на нарративе прав человека, ЕАЭС предлагает модель экономического прагматизма² и создания общей зоны экономического взаимодействия.

Наконец, еще одной отличительной чертой двух форматов интеграции является внутреннее распределение сил и влияния. Если европейское строительство исторически основывается на экономическом, политическом и военном потенциалах Франции и Германии, наднациональные механизмы его функционирования позволяют до определенной степени сглаживать контрасты и распределять их влияние

¹ Traité sur l'Union européenne. *Journal officiel de l'Union européenne*. C 326/13, 2012. URL: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:C:2012:326:FULL:FR:PDF> (дата обращения: 01.11.2019)

² Участники первого Евразийского конгресса обсуждают перспективы экономической интеграции. ТАСС. 3 декабря 2020 URL: <https://tass.ru/ekonomika/10167581> (дата обращения: 15.12.2020)

внутри Союза¹. В случае ЕАЭС дисбаланс сил более очевиден, поскольку Россия, являясь крупнейшей экономикой и основным гарантом безопасности для стран-участниц ЕАЭС, изначально имеет значительно больший экономический и политический вес по сравнению со своими партнерами. В результате динамика развития евразийской интеграции в значительной степени зависит от России, ее внутренней экономической ситуации и внешнеполитической обстановки [Versueil, 2014: 177]. Кроме того, Россия располагает рядом неформальных рычагов и материальных стимулов (например, миграционная политика, финансовая помощь, международное влияние), которые обеспечивают ей ощутимые преимущества и более выгодную переговорную позицию. Именно дисбаланс сил на пространстве евразийской интеграции является основным источником настороженности со стороны европейских стран по отношению к ЕАЭС. В частности, в контексте ухудшившихся отношений между Россией, ЕАЭС зачастую представляется как инструмент политического влияния России, «двигатель будущей геополитической Евразии» [Guitton, 2016; Popescu, 2014: 19]. Отмечается также контраст в ее «призыве к созданию общей зоны свободной торговли на евразийском пространстве» и ее «попытке построить экономический порядок альтернативный тому, что Россия считает западным порядком»². Вследствие этого признание Еврокомиссией Евразийского союза как равноправного партнера потенциально рассматривается как фактическая легитимация возрастающей биполярности на европейском континенте [Nitoiu, 2017: 473].

Поиск путей нормализации отношений между ЕАЭС и ЕС

Поиск решений по нормализации отношений между ЕС и ЕАЭС следовало бы вести по двум направлениям, ориентированным вовне – на непосредственное улучшение отношений с Евросоюзом, а также вовнутрь – на переосмысление *raison d'être* евразийской интеграции.

Согласно этой логике, одним из важнейших, но трудно реализуемых условий устранения политических противоречий между ЕС и ЕАЭС и преодоления их позиционирования в качестве враждебных объединений является налаживание двусторонних отношений между Россией и ЕС, восстановление взаимного доверия и взаимопонимания. Однако в текущем контексте политическая оттепель между Россией и коллективным Западом маловероятна, в связи с чем более подходящим в краткосрочной перспективе представляется перевод сотрудничества в менее политизированную плоскость и акцент на сферах, не вызывающих острых противоречий. Рекомендуется, в частности, налаживание механизмов сотрудничества на уровне *low politics* с целью создания спроса снизу на экономическое взаимодействие между двумя объединениями в будущем, когда политические условия будут более благоприятными [Perović, 2018: 4]. Первые шаги в этом направлении были

¹ Например, Питер Катценштайн пишет об «укрощенной» многосторонними и институционально опосредованными системами мощи Германии (P. Katzenstein (1997) *Tamed Power: Germany in Europe*. Cornwell University Press).

² Rapport conjoint relatif au dialogue parlementaire pour rétablir la confiance entre la France et la Russie, enregistré à la Présidence du Sénat le 28 mars 2018, session ordinaire de 2017 – 2018. URL : <http://www.senat.fr/rap/r17-387-1/r17-387-11.pdf> (дата обращения: 15.12.2020 г.)

сделаны на уровне консультативных встреч, таких как встреча члена Коллегии по торговле ЕЭК Вероники Никишиной с делегацией Генерального директората по торговле Европейской комиссии 20 июня 2019 г. Стоит также отметить неформальный диалог в области технического регулирования и стандартизации, который исследователь Нидерландского института международных отношений Тони ван дер Тогт характеризует как «пробу на совместимость» двух интеграционных объединений¹.

Вместе с тем эффективность подобных встреч будет крайне незначительна, если распределение полномочий в рамках ЕАЭС останется неизменным. Иными словами, ярко выраженный межгосударственный характер евразийской интеграции представляет определенные сложности для налаживания официальных контактов с Евросоюзом, и в этой перспективе стоит отметить необходимость деконцентрации полномочий органов ЕАЭС и, в частности, расширения компетенции ЕЭК за счет передачи ей некоторых наднациональных полномочий с учетом интересов стран-членов. Глава Коллегии ЕАК Тигран Саркисян подчеркивает, что, хотя существуют «понятные опасения, связанные с тем, имеет ли смысл вообще отказываться от части суверенитета для решения тех или иных экономических вопросов», «второй этап развития нашего интеграционного проекта уже позволяет говорить о том, что мы созрели для того, чтобы полномочия наднационального органа были расширены»².

В дополнение к этому становление ЕАЭС как полноценного международного актора будет зависеть от его способности сформировать устойчивую идентичность, отличную от каждой из его стран-участниц по отдельности. Идейное содержание евразийства весьма расплывчато, и в результате отсутствия его смыслового наполнения как в политическом, так и социокультурном плане, идея евразийской интеграции становится предметом различных репрезентаций, в том числе негативных [Пахолкин, 2018: 299]. Вследствие подобных искаженных интерпретаций целей и интересов партнеров среди европейских политических элит формируется восприятие Евразийского союза исключительно как геополитического проекта России, имеющего целью создать противовес Европейскому союзу, и складывается представление о взаимоисключающем характере постсоветского и европейского регионализма [Винокуров, Либман, 2013: 63]. Следуя этой логике, в 2013 г. Армения отказалась от соглашения об ассоциации с ЕС ради членства в ЕАЭС, в то время как выбор Украины привел к деградации отношений между Москвой и Киевом (соответствующее соглашение полностью вступило в силу в 2017 г.). Формирование идентичности Евразийского союза, отдельной от его стран-участниц, представляется также целесообразным в контексте политической напряженности между Россией и странами ЕС, для которых позиционирование по отношению к ЕАЭС зачастую напрямую связано с их представлениями о России [Bossuyt, 2017: 89]. В связи с

¹ Tony van der Togt. EU and Eurasian Economic Union: a Common Chinese Challenge ». *Clingendael*. 30 April 2020. URL: <https://www.clingendael.org/publication/eu-eurasian-economic-union-common-chinese-challenge> (дата обращения: 21.12.2020)

² Глава Коллегии ЕЭК: мы созрели для расширения полномочий комиссии. ЕЭК. 28.07.2019. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/28-07-2019-1-int.aspx> (дата обращения: 14.12.2019)

этим существует необходимость идейного наполнения евразийской интеграции и ее позиционирования по отношению к другим объединениям, в том числе по отношению к ЕС. При этом оно должно иметь целью не идеологизацию объединения, что с большой долей вероятности будет являться контрпродуктивным и неприемлемым для стран ЕАЭС, но четкое обозначение принципов своего функционирования, целей и задач, ориентированных на улучшение экономического благополучия и сохранение культурных и исторических связей между евразийскими народами.

Возвращаясь к трудностям налаживания отношений между Россией и ЕС, ЕАЭС необходимо стремиться усилить свои переговорные позиции по отношению к Евросоюзу посредством дальнейшего расширения внешнеэкономических связей, в особенности с быстро развивающимися восточными экономиками. Это позволит, с одной стороны, усилить экономический потенциал ЕАЭС и его вовлеченность в мировые процессы и сформировать тем самым объективные предпосылки и интерес к сотрудничеству между ЕС и ЕАЭС. С другой стороны, это может стать средством укрепления его международной правосубъектности и его легитимизации в глазах мирового сообщества.

* * *

Различия европейского и евразийского форматов интеграции, часто позиционирующихся в качестве соперничающих и альтернативных объединений, обусловлены особенностями политических режимов их стран-участниц и – в случае стран ЕАЭС – их неготовности на данном этапе к передаче части своих суверенных полномочий наднациональным органам.

При этом основными причинами отсутствия официальных контактов между двумя объединениями является контекст политической напряженности между Россией и странами Запада и прочно укоренившейся идеи о Евразийской союзе как о политическом инструменте России. Таким образом, поскольку на текущем этапе налаживание диалога между ЕС и ЕАЭС в рамках двусторонних отношений России и ЕС представляется маловероятным, оно должно быть в большей степени ориентировано на укрепление сотрудничества между двумя региональными союзами в неполитизированных сферах. Эти усилия также должны сопровождаться внутренними реформами управления ЕАЭС и формированием его самостоятельной идентичности с целью усиления международной субъектности Союза. Если необходимые меры будут успешно реализованы, ЕАЭС сможет сыграть роль потенциального посредника [Кондратьева, 2018: 6] для устранения политических противоречий между ЕС и Россией.

Список литературы

Винокуров Е.Ю., Либман А.М. (2013) Две евразийские интеграции. *Вопросы экономики*, № 2. С. 47–72.

Динес А. (2018) Призыв к сотрудничеству. Почему Европейскому союзу следует начать диалог с Евразийским экономическим союзом. *Перспектива*. Friedrich Ebert Stiftung. 2-е издание.

Кондратьева Н.Б. (2018) Отношения ЕС–ЕАЭС: особенности современного этапа, *Современная Европа*. № 3. С. 60–70. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope320186070>

Кондратьева Н.Б. (2018) ЕАЭС 2018 глазами экспертов. *Аналитическая записка № 43*. Институт Европы РАН, № 139. URL: <http://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/analitika/2018/an139.pdf> (дата обращения: 10.12.2019)

Мешкова Т.А., Изотов В.С., Демидкина О.В., Кофнер Ю.К. (2019) ЕАЭС в меняющемся геополитическом контексте: приоритеты международного сотрудничества. *Вестник РУДН. Серия: Политология*. т. 21. № 1. С. 7–33.

Пахолкин Д.А. (2018) Сильные и слабые стороны ЕАЭС в конкуренции с европейскими интеграционными форматами в пространстве СНГ, *Вестник Московского государственного областного университета*. Серия: История и политические науки. № 5. С. 296–307.

Перспективы развития проекта ЕАЭС к 2025 году. Рабочая тетрадь, ред. Иванова И.С. (2017) *Российский совет по международным делам*. 92 с.

Пименова О.И. (2019) Правовая интеграция в Европейском союзе и Евразийском экономическом союзе: сравнительный анализ. *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*. № 1. С. 76–93.

Сарсембаев М.А. (2019) Решения, постановления, заключения Суда ЕАЭС и Суда ЕС: аналогичные и различительные черты. *Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан*. № 3 (57). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/resheniya-postanovleniya-zaklyucheniya-suda-eaes-i-suda-es-analogichnye-i-razlichitelnye-cherty> (дата обращения: 01.11.2019)

Смирнов В.А. (2018) “Борьба интеграций” на постсоветском пространстве: гуманитарное измерение. *Современная Европа*. № 6. С. 51–61. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope620185161>

References

Bossuyt F. (2017) Central and Eastern European perceptions of the Eurasian Economic Union: Between economic opportunities and fear of renewed Russian hegemony in Bossuyt F. (ed.) Preferences, Approaches and Influence: the Central and Eastern EU Member States and the EU's Policies Towards the Post-Soviet Space. *Studia Diplomatica*, No 68(5), pp. 80–102.

Dines A. (2018) Prizyv k sotrudnichestvu. Pochemu Evropeiskomu soyuzu sleduet nachat' dialog s Evraziiskim ekonomicheskim soyuzom [The call for cooperation. Why should the EU launch the dialog with the Eurasian Union]. *Perspektiva*. Friedrich Ebert Stiftung. 2-e izdanie. (in Russian).

Guitton J. (2016) Union européenne et Union économique eurasiennne: concurrence ou coopération? *Telos*. January 2016. URL: <https://www.telos-eu.com/fr/politique-francaise-et-internationale/un-ion-europeenne-et-un-ion-economique-eurasiennne-co.html> (accessed: 7.03.2021)

Katzenstein P. (1997) Tamed Power: Germany in Europe. Cornwell University Press. 1997.

Kirkham K. (2016) The formation of the Eurasian Economic Union: How successful is the Russian regional hegemony? *Journal of Eurasian Studies*. Vol. 7. Issue 2. July 2016, pp. 111–128.

Kondrat'eva N.B. (2018) Otnosheniya ES-EAES: osobennosti sovremennogo etapa [The EU – EAEU relations: contemporary features]. *Sovremennaya Evropa*. № 3, pp. 60–70. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope320186070> (in Russian).

Kondrat'eva N.B. (2018) EAES 2018 glazami ekspertov [EAEU as viewed by experts]. *Analiticheskaya zapiska № 43*. Institut Evropy RAN. № 139. URL: <http://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/analitika/2018/an139.pdf> (accessed: 10.12.2019) (in Russian).

Libman A.M. (2019) Learning from the European Union? Eurasian Regionalism and the ‘Global Script’. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. vol. 12. No 2, pp. 247–268.

Meshkova T.A., Izotov V.S., Demidkina O.V., Kofner Yu. K. (2019) EAES v menyayushchemsya geopoliticheskom kontekste: priority mezhdunarodnogo sotrudnichestva [The EAEU in a changing geopolitical context: priorities of international cooperation] *Vestnik RUDN*. Seriya: politologiya. T. 21. № 1, pp. 7–33. (in Russian).

Nitoui C. (2017) European and Eurasian integration: Competition and Cooperation in the Post-Soviet space. *Journal of European Integration*. No 39(4), pp. 469–475.

Pakholkin D.A. (2018) Sil'nye i slabye storony EAES v konkurentsii s evropeiskimi integratsionnymi formatami v prostranstve SNG [Strong and weak sides of the EAEU in its competition with European integration formats in the CIS space]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*, Seriya: Istoriya i politicheskie nauki. № 5, pp. 296–307. (in Russian).

Perspektivy razvitiya proekta EAES k 2025 godu [The development of the EAUE project perspectives for 2025]. Rabochaya tetrad'. Spetsvypusked. by. Ivanov (2017). I.S. Rossiiskii sovets po mezhdunarodnym delam. 92 p. (in Russian).

Perović J. (2018) Russia's Turn to Eurasia. *Policy Perspectives*. Vol. 6(5). August 2018. URL: https://css.ethz.ch/content/dam/ethz/special-interest/gess/cis/center-for-securities-studies/pdfs/PP6-5_2018.pdf (accessed: 5.03.2021)

Pimenova O.I. (2019) Pravovaya integratsiya v Evropeiskom soyuze i Evraziiskom ekonomicheskom soyuze: sravnitel'nyi analiz [Law integration in the European Union and the Eurasian Economic Union: comparative analysis]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika*. № 1, pp. 76–93. (in Russian).

Popescu N. (2014) Eurasian Union: the Real, the Imaginary and the Likely. *Chaillot Papers*. European Union Institute for Security Studies. September 2014. URL: https://www.iss.europa.eu/sites/default/files/EUISSFiles/CP_132.pdf (accessed: 5.03.2021)

Sarsembaev M.A. (2019) Resheniya, postanovleniya, zaklyucheniya Suda EAES i Suda ES: analogichnye i razlichitel'nye cherty [Decisions, acts, judgements of EAEU and EU courts: similarities and differences]. *Vestnik Instituta zakonodatel'stva i pravovoi informatsii Respubliki Kazakhstan*. № 3(57), pp. 95–101. (in Russian).

Saurugger S. (2020) Théories et concepts de l'intégration européenne. 2ème édition. *Presses de Science Po*. 448 p.

Smirnov V.S. (2018) "Bor'ba integratsii" na postsovet'skom prostranstve: gumanitarnoe izmerenie" ["Battle of integrations" in post-soviet space: humanitarian dimension], *Sovremennaya Evropa*. № 6, pp. 51–61. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope620185161> (in Russian).

Tony van der Togt. EU and Eurasian Economic Union: a Common Chinese Challenge. *Clingendael Institute*. 30 April 2020. URL: <https://www.clingendael.org/publication/eu-eurasian-economic-union-common-chinese-challenge> (accessed: 21.12.2020)

Vercueil J. (2014) L'Union économique eurasiatique: une intégration au prisme de la Russie. *Géoeconomie*. vol. 4. No 71, pp. 167–184

Vinokurov E.Yu., Libman A.M. (2013) Dve evraziiskie integratsii [Two Eurasian integrations]. *Voprosy ekonomiki*. № 2, pp. 47–72. (in Russian).

“Non-Recognition” of the EAEU by the European Union: Political Aspects

Received 21.01.2020

Author: Bolonina A. PhD Student at the Research Center for International Law and International Relations “Thucydide”, Paris 2 Panthéon Assas University. **Address:** 12 place du Panthéon, Paris, France, 75005. **E-mail:** allexandrleo@gmail.com

Abstract. The Eurasian Economic Union (EAEU) positions itself as an open integration formation and considers the cooperation with external partners as a key feature of its functioning. However, while it is developing a growing network of trade agreements in the framework of a Great Eurasian Partnership, it faces difficulties in establishing a formal dialogue with a neighboring integration formation – the European Union (EU). In this article we propose to analyze political causes of such “non-recognition”, conditioned by the context of political tensions between Russia and the EU countries and by the perception of the EAEU as a tool for promotion of an integration model, alternative to the European one. The article offers recommendations to enhance the dialogue between the two integration unions, oriented at strengthening of objective economic prerequisites for EU – EAEU cooperation, as well as at the formation of the EAEU identity, separate from the identities of its member-states.

Key words: Eurasian Economic Union, agency, legal capacity, European Union, tensions, mutual perceptions, integration models.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope12021200208>